

Мечты одинокого ребёнка

Марк Эльтер

18+

Марк Эльтер

Мечты одинокого ребёнка

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70395991

SelfPub; 2024

Аннотация

В "Мечты одинокого ребёнка" пока входит только два произведения. Автор слишком медленно работает

Содержание

Кровяное желе	4
Кто-то похоронен на Плутоне	29

Марк Эльтер

Мечты одинокого ребёнка

Кровяное желе

Изумрудно-зелёное с серыми облаками небо. Стволы причудливых деревьев закручивались в кольца и спирали, словно змеи. Ветви их были сухими и острыми как иглы. Тёмная кора блестела на солнце. Ярко-красные и тёмно-бардовые, почти фиолетовые, сухие, с чёрными прожилками листья этих деревьев устилали вымощенную серым камнем дорогу – центральный проспект. Дорога... Сколь угодно часов, дней или даже недель по ней ни идти, невозможно отыскать её завершения. Будто огромная гадкая сколопендра она тянулась вдаль. Казалось, тени домов, их острые крыши, протыкали собой дряхлое серое тельце насекомого. Она уже долгое время была мертва, но её жители отказывались это признавать. В самом воздухе этого, похоже, что города, витало жуткое зловонье. То ли запах исходил от плесени, то ли от пыли, то ли от всего вместе. Каждый камень, каждая доска – всё было покрыто пылью и плесенью. Оконные рамы, ступени и двери... Дома! Дома! Дома! Бесконечное множество самых разных домов. Они казались ярко-жёлтыми в лучах заходящего солнца. Но улицы и переулки были совершенно пусты. Ни-

кто не шёл домой после рабочего дня, никто не отправлялся на вечернюю прогулку. Все жители города собрались на кладбище. На их лицах не было ни тени скорби. Они слушали, как старый пастор тихо и лениво молился за душу усопшего. Странной была его речь... Сразу после молитвы двое мужчин осторожно взяли дорогой лакированный гроб, поднесли его к открытому склепу. Вскоре он (гроб) уже висел на толстых верёвках над достаточно глубокой ямой. Но как ни были осторожны мужчины, верёвки всё же оборвались. Гроб упал и разбился. Никто из присутствующих даже не обратил внимания на это. словно так и должно быть. Неспешно люди начали расходиться. Кладбище опустело.

Тело выглядело будто деревянным. Медного цвета кожа. Несуразно длинные иссохшие руки и ноги. Кривая, словно вывихнутая шея. Впалая грудь. В его животе копошились черви, личинки вперемешку с пауками и сколопендрами. Мелкая дрянь! А живот... Самая, наверное, вкусная часть. Что толку вгрызаться в одеревенелую плоть? Здесь же столько жира и дерьма... Мертвец был завёрнут в ткань. Такая чудная зелёная ткань... Зелёная, словно малахит. Золотыми и ярко-красными нитями вышит на ней узор. Такой необыкновенный узор! Круги и спирали, треугольники, полосы, ромбы. Их очертания переплетались и плавно перетекали от одной фигуры к другой. Также у мертвеца было тёмное, хорошо сохранившееся и меж тем настолько уродливое, совершенно не человеческое лицо. Отвратительно ши-

рокий рот, тонкие чёрные губы, крючковатый нос, большой лоб в крупных морщинах. В пергаментно-жёлтых глазах поблёскивали синие зрачки. Они будто горели изнутри. В этих глазах виделось движение. Если приблизиться, то можно понять, что это была тонкая паутинка... Серебристые нити... Ими была заполнена голова. Ветер, проходя через дыру в затылке, легко покачивал их. Но откуда здесь взяться ветру? Глухие мраморные стены и... Воск. Он был повсюду. Белый, слегка сероватый и жёлтый. Он таял. Казалось, я нахожусь в огромной печи. Ужасно жарко... В какой-то момент я и сам начал таять. Я чувствовал, как стекает с меня моя кожа, как смягчают кости. Горячий воск прижёт выползшему из мертвеца пауку лапы. Уродливое создание ужасно скорчилось от той непереносимой боли, которую он (паук), должно быть, так остро ощущал. Мгновение... И я увидел свет. Он отвлёк меня от паука. Такой яркий. И ни единой щели, через которую этот свет бы мог проникнуть... Такой тёплый, как майское солнце. Какой приятный свет! Он становился всё ярче. Так хорошо... Я даже полюбил это место, из которого только что так хотел выбраться.

Когда же внезапно нахлынувший восторг оставил меня, я понял, что это было. Некое свечение окружало труп. Нет, это вовсе не огонь. Скорее аура, словно та, что бывает у богов. Жёлтый, оранжевый, розовый... Не чудится ли мне всё это? А что, если и так? Вот-вот я проснусь. Который час? Уже, наверняка, не раз звонил будильник. Лишь бы не опоздать...

Мне слишком дорога моя должность. Нет ничего хуже, чем прогул! Тем более, я ужасно важен. Даже боюсь представить, что может произойти без меня. Нет, я не прощу себе этого. Я просто обязан быть там сегодня! Но для начала, мой завтрак. Я не смогу работать, если буду голоден. Ужас как хочется проснуться и увидеть перед собой бутерброды с вареньем и кружку горячего чая. Но ни голода, ни жажды я не чувствую. Ничего, что обычно начинает моё утро. Ни усталости, ни боли – как странно. (Я работаю допоздна. И ежедневный подъём в шесть часов это не то, чего мне хотелось бы. Боже, я совсем не высыпаюсь... Но выбирать не приходится. Кто бы тогда (во благо города, разумеется) по всей строгости выносил приговоры за нарушения порядка вместо меня? И кто бы следил за соблюдением этого самого порядка? В общем, кто бы тогда занимался всеми теми важными вещами, которым каждый сознательный человек должен уделять, по меньшей мере, большую часть своего времени? Нет, заменить меня не получится!) Может быть, я просто умер? Интересно, как же меня похоронили? Хочется увидеть своё надгробие. Но если же я мёртв, кто тогда взял на себя мои обязательства?! Ох, не доверял бы я этим людям... Хотя... Зачем мне знать это? Теперь уж с меня взятки гладки. Подобные вещи не должны волновать покойника. Ничто не нарушит мой вечный сон. Постараюсь забыть всё это как можно скорее. Надо же... Впервые я так спокоен. Больше не придётся ни за что отвечать. Ведь, что можно взять с трупа? С

куска гнилого мяса? Нет у меня больше начальника. Отныне я сам решаю, чем мне стоит заниматься. Вернее, о чём всю оставшуюся вечность размышлять. Я не могу и пальцем шевельнуть. Есть ли у меня вообще пальцы? Может, я стал призраком? Что же... Ни тела – ни проблем. Наконец я свободен, хоть и под слоем земли. Я заслужил этот отдых. Только от меня зависели все жизни и судьбы в этом чёртовом городке. Никто из этих людей не в ответе даже за самого себя, чего уж говорить об ответственности за кого бы то ни было ещё? Беспечность – худшее из человеческих качеств. Моей обязанностью являлось руководить ими. Следить за каждым, знать всё и вовремя... Принимать меры. Жалкой была моя жизнь. Очень жалкой. Дешёвой и пустой. Я просто был жертвой собственной доброты. Думал, что у меня получится изменить хоть что-то. Я жаждал смерти! Вот теперь-то получил, чего хотел! От этих мыслей стало легче. У меня появилась смутная надежда, что все мои страдания уже позади. Я даже ненароком улыбнулся. Тварь улыбнулась в ответ. Ужас... Нет, я не умер. Мне не кажется. Я бы не смог вообразить себе ничего подобного! Такая мерзкая улыбка. Хуже оскала! Я на секунду услышал стук собственного сердца. И как жаль, что никто сейчас не мог вызволить меня отсюда. Я хотел сорваться с места! Хотел закричать! Но как ни пытался, всё тщетно. Я словно муха, угодившая в паутину. Что же там, за пределами этого склепа? Что же там?! Я стал прислушиваться. Поначалу я не слышал абсолютно ничего,

кроме моего сердца. (Успокойся! Эй! Прекрати!) Это заняло некоторое время, но теперь же с точностью могу сказать, что над ним росли деревья с чудесными раскидистыми кронами. Ветер срывал с них ярко-красные листья. Жёлтые астры, словно звёзды, разбросаны в тёмной синеватой траве. Эти заросли кишели муравьями. Насекомые неустанно уничтожали цветы. Всё здесь красное, жёлтое, синее, дымчатое... Дымчатое: мир, который казался мне таким ярким ещё пару мгновений назад, предстал теперь в ином свете. Удивительно быстро меняется это место. Так непривычно видеть столь малое количество цветов. Нет ни огненно-рыжего, ни грязно-коричневого, ни малинового. Ничто не было слишком явным. Едва различимые, переплывающие из одного в другое очертания. И пятна... Пятна... Пятна... Как на старой выцветшей фотографии. Тусклой и сероватой... Среди пятен выделялось лишь одно. Живое и совсем рядом. Я слышал сбивчивое дыхание и слова молитв. Запах крови ударил мне в нос. Она крупными каплями стекала по лепесткам ещё не тронутых муравьями цветов. С таким шумом, с таким грохотом разбиваясь о землю. На гранитной плите скрывавшей тело, а вместе с ним и меня от посторонних глаз, лежала женщина. Она была красива: худое лицо, светлые, скорее вовсе бесцветные глаза и рыжие волосы. Женщина одета в красное платье. Но даже пышная юбка не могла скрыть этот огромный раздувшийся живот. Что делало женщину похожей на вазу. Ткань была сильно натянута. Почти рвалась, обнажая

сине-зелёную, местами серую и фиолетовую кожу. Дыра, вокруг которой уже запеклась кровь, будто выпилена из плоти ближе к низу её живота. Там обосновались муравьи. Ядовито-красные насекомые затаскивали внутрь своего жилища жёлтые цветы. Лепестки были даже слегка видны изо рта их жертвы. Почему она ещё жива? Мне стало жаль женщину. О... Если бы я только мог облегчить ей участь. А меж тем в моём пристанище становилось всё жарче. Кожа трупа начала трескаться, из тела вытекала гниль. Здесь я и стору...

Темнело. Огромные, будто начерченные грифелем тучи медленно заполняли небо. Где-то там, вдалеке ещё виднелось холодное солнце. Всё пропахло дымом. Дорожная пыль слепила глаза. Мои ноги ужасно болели. (Да уж... Раньше я гораздо лучше переносил долгие прогулки, хоть и всегда ненавидел бесцельно бродить по улицам.) Лёгкая, но совсем не приятная прохлада окутывала город. Синяя, кое-где серовато-жёлтая погода. Типичная для этих мест. Также как и я. Если бы вы сейчас просто выглянули в окно, то не смогли бы отличить меня от прочих. Я – ваш сосед или знакомый, или неизвестный прохожий, лица которого вы даже не запомните. Возможно я – и есть вы. Я больше не могу идти. И без того очень долго шёл. Я остановился напротив одного из домов, облокотился о фонарный столб. Мне определённо нужен отдых... Так тихо, так скучно... В такие вечера ничего не происходит. В такие вечера люди обычно закрывают плотнее окна, накидывают на плечи тёплые халаты или уку-

тываются в плоды – смотрят телевизор, читают, спят... В общем, бесцельно проводят время. А те же, кому не повезло задержаться на работе – пьют кофе, проклиная этот мир. И так каждый раз. Знаете, я бы никогда... Тишину прервал грохот такой силы, что каждый, кто его слышал, должен был потерять слух. Это молния ударила в один из домов. В тот самый дом, напротив которого я стою. Так ярко... Каждый, кто видел это, должен был ослепнуть. За ударом последовал крик. Пронзительный и резкий. Человек ли это был? Окна дома покрылись тонкими трещинами. У меня внутри всё сжалось. И тут же совершенно глупая мысль посетила мою голову. Надо бы проверить, в порядке ли тот, кто сейчас находится там. Дверь этого дома оказалась незапертой. Как же повезло, здесь я и пережду вновь начавшийся дождь. Вверх... По скрипучей лестнице, мимо коридоров, мимо старых деревянных дверей. Он всё ещё кричал. Лестница упёрлась в небольшую дверцу, такую, в которую взрослый человек войдёт только согнувшись. Это здесь. Маленькая комнатка под самой крышей. По сути, чердак. Чёрная копоть, мёртвые насекомые и плесень на полу и стенах. Грязь повсюду. Паутина. Холод и сырость. Если вы достаточно внимательны, то легко разглядите человека в углу этой небольшой комнатки. Ужасный запах, который исходил от него, пропитал всё здесь. Я бы мог подумать, что человек мёртв, если бы тот периодически не вздрагивал. То ли от холода, то ли от боли. Я накрыл его своим пальто.

– Помоги мне, – хриплым голосом сказал человек.

– Да, конечно, – что я мог сделать? Он первый, кого я встретил в этом совершенно пустом городе. Бедный человек. Один я никак не смогу ему помочь. Судя по всему, его жизнь ничуть не была счастливой или важной. Если я дам ему умереть, это будет только к лучшему. От меня ничего не зависит. Нет, абсолютно ничего. Он должен умереть. Только посмотрите на этого человека. Его одежда так истрёпана, что определить её изначальный вид не представлялось возможным. Его ноги были грязны и оттого практически чёрного цвета. Спина изогнута. Липкая серая похожая на воск кожа обтягивала тощее тело. Лицо, словно маска, совсем не выражало эмоций. Лишь красные веки время от времени размыкались, обнажая блестящие маслянистые глаза. Мерзость.

Нет, не могу я находиться здесь. Скоро, уже совсем скоро... И вот человек в этой комнате умер. Я вышел оттуда с чувством исполненного долга. Будто от моей воли зависела не только одна эта жалкая жизнь, а судьба всего города. Как раньше. Что же... Я направился к той самой лестнице. Ступень за ступенью. Как можно быстрее! Я ни секунды не хочу здесь оставаться.

Падать с лестницы – ощущение не из приятных. Я, наверное, ударился о каждую из ступеней. Боже, да сколько их здесь! В какой-то момент я лишился передних зубов и, похоже, вывихнул левую ногу. Резкая боль пронзила моё тело. Я перестал дышать. Зачем только пришёл в этот дом? О...

Если бы я только мог знать заранее! Глупость. Просто невообразимая глупость! Смотрите-ка, дождь закончился. Взглянул я в одно из немногочисленных окон. На тёмно-синем небе уже появилась луна. Так тихо, так скучно...

Копоть, распахнутое окно, запах гнили... Всё это отдалялось, смешивалось, превращаясь в нечто абстрактное, мало чем напоминавшее прошлое. Медленно пустота вытеснила собой маленькую комнатку, серый мирок этого человека. Нечто незначительное преобразовывалось в нечто колоссальное. Человек открыл глаза. На секунду ему показалось, что он слеп. Настолько белым всё было. Он ничего не слышал. Настолько тихим, скорее беззвучным, всё было. Есть в этом что-то прямо таки отвратительное. И в человеке, и в месте, в котором он волею случая оказался. Кто бы мог подумать... Кто бы мог вообразить себе нечто подобное?!

– Боже... И что мне делать? Лишь сейчас я понял, каким был идиотом! Лучше бы я тогда прошёл мимо, как поступили бы все нормальные люди. И нет... Мне совершенно не хочется здесь находиться! И я забыл там своё пальто! Лишь бы не простудиться, только этого мне не хватало. Лучше бы я в тот вечер вообще остался дома. И когда же это всё закончится... – он почти кричал. Этот человек винил меня в произошедшем.

– Хватит. – нет... Почему именно со мной всегда происходят такие ужасные неприятности? Я бы согласился с этим, если бы они были заслуженными. Но сейчас... Я не хочу и

пытаться спасти себя, а уж тем более его. Того, кто так бесцеремонно вломился в мой дом и даже не попытался помочь мне тогда.

– Где бы нам сейчас взять еды? А то я умру с голоду. Не очень бы хотелось умирать вот так.

– Мой новый знакомый, казалось, совсем не слушал меня. Неужели можно испытывать такой сильный голод, который был бы способен оглушить? Я же, в отличие от моего спутника, ничуть не был голоден. Меня это не волновало.

– Прекрати. Ты мешаешь мне. – спать... Больше всего я хотел спать. Эта его болтовня ужасно надоедала.

Но нет... Он всё продолжал и продолжал. Ему нравилось меня мучить. Это невыносимо! А что, если здесь вообще нет никакой еды? Я мог бы выполнить эти требования, но не хотел. Лишь неясные серые фигуры, появившиеся вдруг на горизонте, заставили меня сорваться с места. Я бежал так быстро, как только мог. Люди! Здесь есть люди! Они наверняка должны знать, что это за место и как отсюда выбраться. Наконец я достаточно приблизился, чтобы их разглядеть. Станным было найти здесь детей. Они стояли, образуя собой круг. Шесть неподвижных, словно статуи, маленьких мальчиков и девочек. Я решил попробовать их разбудить. Подходил к каждому, но что бы ни делал, всё оставалось безуспешным. Я уже было совсем отчаялся. Пока не услышал хруст за спиной. Ребёнок, мальчишка лет пяти, ел свои пальцы, словно это были конфеты. Его ногти сминались

и разламывались под давлением зубов. Мясо разрывалось, вытягивая вены и оголяя кости. Эти нежные желтоватые кости торчали из его пухлой ладошки. Я тоже голоден. Ужасно голоден. Голод взял контроль надо мной. Я не могу думать ни о чём другом. Этот хруст... Мне бы не хотелось делать этого, но кто я такой, чтобы перечить голоду? На удивление легко, даже с удовольствием было принято мной решение. Может, потому, что у меня самого не достаёт пальцев? И только тогда, когда от кисти ничего не осталось, я перестал ощущать голод. Это было так приятно.

– Это жестоко, – подметил мой собеседник.

– В жестокости нет ничего дурного, – я всегда так считал. Каждый когда-либо проявлял жестокость, но мало кто хочет это признавать. Очередная неудобная тема. Такая же, как смерть или секс.

Мы пошли дальше. Пустота этого места не даёт мне покоя. Бесконечный пустой мир... Я не чувствовал ничего. Ни голода. Ни времени. Ни усталости. Повезло ему – он хотя бы не потерял голод. В скором (или не очень) времени, я даже перестал ощущать самого себя. Парадоксально – это самое болезненное состояние, которое мне доводилось испытывать. Мучительно оставлять своё, пусть и не самое уютное тело. Шаг, ещё один и ещё – я сбился со счёта. Сколько мне осталось идти? Сколько я уже прошел? Будем думать, что я потратил на свой путь всего 240 секунд. Да, именно. Такие знакомые мне 240 секунд. Я умер, когда часы показывали

без четырёх минут девять. Что можно успеть за четыре минуты? Проживи я на эти четыре минуты дольше, всё равно вскоре был бы мёртв. Жалкие бесполезные четыре минуты! Я даже разозлился из-за того факта, что мне в любом случае никто бы не помог. Даже мой новый знакомый. Хотя он мог предпринять нечто большее, чем просто накрыть меня ещё живого, будто покойника, своим пальто. В прочем, какая разница? Мне плевать. Теперь это не моё дело. Я же мёртв. Что за напасть... Смерть, не смотря на недавнее происшествие, кажется мне очень скучной. Она сама гораздо хуже, чем её ожидание. Ведь разочарование всегда приходит позже предвкушения. В какой-то степени даже глупым и заурядным было умирать вот так. Нет, не этого я ждал от собственной смерти. Всегда считал, что умру как-то по-особенному. В моём сознании я представлял что-то вроде публичной казни. Представлял толпы людей, пришедших посмотреть на то, как умрёт чудовище. Представлял большой праздник по завершении действия. Этот день должен был стать переломным для человечества! Что же... Я оказался недостойн. Может, это и правильно. Нужно обладать большим везением, чтобы хоть кто-то в этом мире обратил на тебя внимание. Именно так, всё держится на удаче. А меня же просто оборвали на полуслове. Я не дожил совсем немного до своего триумфа. Бесполезный жалкий... Мусор, словно тот, что валяется у вас под ногами, и на который вы не обращаете совершенно никакого внимания. Нет... Я хуже, чем мусор – его хотя бы

можно переработать. Страшно было так жить. Но никого из живущих это особенно не волнует. Серая скучная жизнь! Я презираю все её проявления. Что же ждёт меня дальше? Я рад быть мёртвым... Смерть – и есть то избавление, о котором я всегда мечтал. Пусть даже такая... Она моя. Между тем, идти становилось всё легче. Будто бы стоило мне лишь подумать о том, куда хочу попасть, я тут же перемещался туда. Я посмотрел вниз и, к своему ужасу, не обнаружил ног. Руки мои также становились всё бледней и прозрачней. Я растворялся... Я исчезал!

И тут же передо мной возникло нечто бесформенное и огромное. Старик. Посмотрите на него... У старика совсем не было волос. Голова его чем-то напоминала бронзовый колокол и была как будто бы спаяна с телом. У него огромный беззубый рот и совсем нет губ – он съел их. Глаза старика были такими же белыми, как у дохлой мыши. Уши маленькие и будто пороссячьи. Огромными ладонями с длинными и толстыми пальцами старик хватал еду, лежащую горой вокруг него. И тут я понял, моё тело исчезало по мере съеденного. Всё прозрачней становились мои руки... Кожа на его раздутом животе настолько истончилась, что можно было разглядеть внутренности. Я не пытался остановить старика. Понимал, это бесполезно. Живот всё раздувался и раздувался. Я услышал громкий хлопок, как от выстрела. Ожидаемо, тело старика не выдержало.

Как же хочется вернуть недавний вечер. Никаких тебе ста-

риков, никаких детей, уродливых трупов... Чудесный вечер! Сижу и смотрю в окно: на мутные звёзды; на тёмную улицу, которую не способен осветить один-единственный тусклый фонарь; на блестящие лужи и кроваво-красную грязь. Смотрел бы на них вечно! Но вот скрипнула дверь. Лёгкие, словно детские шаги послышались из прихожей. Это пришла хозяйка дома. Мгновение. И вот она здесь. (Как бы я сейчас был рад этому!) Боже... Расхаживая по комнате и время от времени всплёскивая руками, отчитывая меня за беспорядок, она напоминала одну из моих сестёр. Но тут девушка успокоилась и спросила у меня что-то... Я не помню что. Мне и не хотелось ей отвечать. Пусть уйдёт. Неуклюже, будто пьяная, она упала на диван. Лишь бы не уснула здесь. Её голова лежит теперь на моих коленях, эти пронзительные и светлые глаза... Чувствую себя так, будто вот-вот умру. Моё сердце быстро колотится, а по коже пробегают мурашки. Она протянула руку. Последовал тот же вопрос. Я молчал. Около четырёх минут. Мучительно долгими они мне казались. Будто бы по прошествии этого времени меня ожидает нечто очень неприятное. Нет, не просто неприятное, а я бы даже сказал, ужасное. Конечно. Она просто так меня не оставит. Каждый божий день всё повторяется снова и снова. Она... Ударила меня по щеке. Нет, мне не было больно. Но я совершенно не понимаю зачем. Очень глупо с её стороны. Я поднялся с дивана и направился к лестнице. Ненавижу... У меня застучало в висках. Ненавижу! Ненавижу! Пристрелить бы её,

как суку. Противная... Грязная... Убогая... – думал я, пока искал деньги – плату за те дни, что провёл в её доме. Я подошёл к ней, меня всего трясло, швырнул купюры на рядом стоящий стол и как можно быстрее, чуть ли не бегом, только и успев, что схватить пальто, шмыгнул за дверь. Я ощутил холод грязной тёмной улицы. Прогорклый дым ударил в лицо. Не успею я сделать и пары шагов, как начал накрапывать дождь. Пускай. Мне всё равно. Дожди здесь – частое явление. Я привык к постоянной сырости. Уйти было не таким уж плохим решением. Приятно слушать шум ветра, срывающего с деревьев красные листья и бросающего их такую же красную грязь. Мне казалось тогда, он разговаривал со мной. Да-да, именно со мной. О... Я хотел бы раствориться в этой тёмноте, стать частью улицы. Быть незримым немым и бесчувственным. Нет, не вернусь я больше в этот дом! Устал. Мысли путались, переплетались, сливались вместе. К чёрту! Её образ нескоро оставит меня. Это не пройдёт просто так. Ведьма! Я всё-таки её пристрелю... Долгие часы моё сердце ещё билось так, будто бы вот-вот вырвется из груди, а в голове не смолкали голоса. А я всё шёл. Даже не заметив, как наступил рассвет. Он был серым, медленно переходил в синий, позже – в жёлтый. Спокойная тихая бесконечно пустая улица преображалась. В мутных окнах зажигались жёлтые огни. Только дым, сопровождающий меня весь мой путь, никуда не исчез. Даже казалось, что он становился гуще. Чтобы вдохнуть, нужно было приложить некоторые усилия. Жгло

глаза и нос. Это отвлекало меня от собственной трагедии. И всё будто бы даже хорошо...

– Ты лишился дома по собственной глупости. Лишился человека, которому был небезразличен. Ради чего? – услышал я тихий голос.

– Я знаю. Но, видишь ли, с ней я уже давно был несчастен. Лучше так, чем терпеть это ещё чёрт знает сколько времени. Не думаю, что смог бы прожить настолько долгую жизнь, чтобы тратить время на то, чего я совсем не хочу. Каждый имеет право быть счастливым. Я не исключение. Счастье – это как хороший наркотик. Оно делает существование не таким болезненным. Я просто устал от неё. Но это не такая большая потеря. Безусловно, её красота восхищала меня, только вот не одна она обладала этим качеством.

– Красота... Всего лишь красота. А как же любовь? Прекрасное чувство привязанности и беспомощности. Искать идеал бесполезно. Искать нужно нечто другое. Ты и сам это отлично понимаешь. Вижу, что понимаешь. Знаешь, я ведь был женат. Я безумно любил свою жену. Седая, в бесконечных морщинах, с гнилыми серыми зубами, с глупым и ленивым взглядом. Я любил её потому, что она могла быть только моей и ничьей больше. Мой серый воробышек! Когда мы полюбили друг друга, тогда-то и стали одним целым. Мы слились вместе! Это было чудесное время. Но... Даже самые прелестные воробышки долго не живут. Она сгнила. Это меня ничуть не расстроило. Я продал её кожу сапожни-

ку. Волосы – парикмахеру. А из костей вырезал несколько чудесных статуэток. Она не умерла напрасно, я сделал всё, что было в моих силах. Это чувство толкает людей на невообразимые поступки. Разве не из большой любви я сделал это? Ведь можно было просто выбросить противное гнильё где-то у дороги.

– Я не верю в то, что человек способен искренне любить кого-то кроме себя.

– Как скажешь. Спорить я не собираюсь. Делай что хочешь.

– Все вы так говорите! Все! Каждый говорит мне делать то, что я захочу, но когда я начинаю, меня пытаются остановить.

– Ты ребёнок, который никогда не повзрослеет... Рядом с тобой страшно находиться. Ты не способен понять простых вещей.

– Ошибаешься...

– Поверь мне, я много раз встречал таких, как ты. Уж я-то вижу тебя насквозь...

– Заткнись!

– Посмотри же на себя! Ты жалок и отвратителен!

– Ах... Да, ты прав, я верю тебе... Мы с тобой так похожи. Я понял! Ты просто моё отражение... Поэтому мы оба оказались здесь.

– Сумасшедший ублюдок... – с явной обидой и раздражением произнёс мой собеседник. Это, должно быть, задело

его до глубины души. (Именно то, на что я и рассчитывал.) Не существует таких людей, которые бы хотели быть похожими на меня. Всегда, когда я говорил кому-то подобные вещи, люди хотели как можно быстрее избавиться от меня. Они делали всё, чтобы больше никогда со мной не встречаться.

– Мне жаль твоих родителей. Никто не заслуживает такого сына. – (я никак не ожидал того, что он продолжит говорить.) Это удивило и в какой-то степени даже обрадовало меня. Как странно...

– Не нужно их жалеть. Они сделали меня таким. Я ребёнок слабоволия и насилия!

– Неужели? Не ты ли тот мальчик, который убил своего отца? Помнится мне, ребёнок говорил тоже самое. – Мне захотелось рассмеяться ему в лицо! От безысходности – он загнал меня в угол! И от абсурдности этого разговора. Я будто оказался абсолютно голым перед ним. Всё кончено...

– Да. Мой отец... Я так его ненавидел. Уродливое чудовище... Я отравил его. Нетрудно было достать яд. Этот человек был единственным, за чьей смертью мне было приятно наблюдать. О... Умирал он долго и мучительно. До сих пор помню его лицо. Эту грязную бледную кожу, эти блестящие красно-фиолетовые глаза, открытый, с высохшим языком рот, бордовую кровь под носом. Его лоб был блестящим и мокрым. В последние свои дни отец кричал, он кричал позвериному. Его крик временами сменялся жутким хрипом, таким который издают уже мёртвые тела. Как же я тогда был

счастлив! А моя мать... Я никогда больше не видел, чтобы человек так горевал. Она была готова прыгнуть за ним в могилу. Безответная всепоглощающая любовь матери к отцу привела к проблемам. К ужасающим последствиям... Моё и без того не самое счастливое детство, превратилось после этого в кошмар. Возможно, у меня до крайности обострено чувство жалости к самому себе... И мне несколько не жаль ни сестёр, ни братьев. Мерзкие крысята. Они дохли почти с той же частотой, с которой появлялись. (Жалкий эгоист... Боже! Мне стыдно за свою жизнь! Поэтому... Поэтому я и исчез! Неважно, сколько мне ещё осталось... Я обязан искупить свои грехи. Я знаю что... Точно!)

– Так вот оно что... Точно, бедный мальчик. Я помню... Он ненавидел дом! Что там дом, собственный город казался ему адом не земле. Он ненавидел всех этих людей. За их счастье, за их спокойствие, за их бездействие. Он страстно желал смерти им всем! Ненависть была главным чувством этого мальчика. (Не думаю, что сейчас изменилось хоть что-то)

– Считай это моей исповедью. (Это всё, что я хотел сказать. С моей души будто камень упал. Наконец я по-настоящему свободен.)

Я шёл и шёл, пока не увидел огромное дерево. С паутиной у самого его подножия. На его ветвях росли красные листья. Висели обрывки нитей. Они были все в крови, но изначально зелёную краску на них ещё можно было различить. Они долго тянулись от дерева. Я не видел их конца. Нити опутывали

каждую веточку, впиваясь в дерево. Словно крупные бусины висели плоды. Это человеческие глаза! Их было немного, всего шесть. Они не должны меня тревожить. Прекрасное место, чтобы отдохнуть.

Вдруг стало слишком шумно. Я услышал не то крик, не то плач... Звук становился всё громче. Я вновь почувствовал запах дыма. Нечто обжигаяще холодное коснулось моей щеки. Два женских, сначала даже показалось одинаковых, силуэта плавно приблизились к дереву, под которым я, судя по всему, находился. Нечёткие фигуры прошли мимо меня. Только присмотревшись, я всё же заметил их различия. Женщина, лицо которой больше походило на мужское, держала хрупкую девушку за руку. Они напоминали мне мать и дочь. Девушка была слепа, но от этого не менее красива. По её ногам медленно стекала вязкая кровь. На обеих незнакомках совсем не было одежды. Старшая женщина сорвала плод с одной из ветвей. Она поднесла его ко рту девушки и тут же сама надкусила с противоположной стороны. Плод исчез. Их губы соприкоснулись. Теперь у них было одно на двоих лицо, вскоре, и одно тело. Их кожа становилась сероватой и клейкой. Затем их головы, будто отрубленные, упали рядом с телом. Мерзкая тварь. Монстр. Все четыре его руки были сложены как для молитвы. Он сидел, поджав под себя ноги с крупными, почти квадратными коленями. Я слышал урчание, доносившееся из его живота. Монстр был голоден, но есть не мог. Существо двинулось ко мне. Но у меня теперь

нет тела, которое бы можно было разорвать на куски и чёрт знает каким образом съесть. Я захотел понаблюдать за ним. Монстр всё пытался меня проглотить, не обращая никакого внимания на моего знакомого. Я даже видел внутренности чудовища. Органы существа были серы и неподвижны, лишь печень извивалась. Она металась, будто запертая птица. Я услышал хлопок. С треском ломая ветки, откуда-то с верхушки этого дерева упало нечто огромное и тяжёлое. Это был паук, две его ноги отсутствовали. Он прыгнул на спину монстра и вцепился в серую липкую кожу. Они боролись недолго, яд паука быстро убил чудовище. После же паук, будто пёс, наклонил свою огромную голову и неспешно, хромя, подошёл к бедному человеку. Только из желания убивать, из природной жестокости создание растерзало моего друга.

Пустота стала чёрной. Я увидел грязную стену. Одну, затем другую, пол, потолок... Окно распахнулось. Ветер занёс листья. На тёмном куполе неба засияли одна за другой звёзды. Мёртвые насекомые хрустели под моими ногами. Их панцири ломались и впивались в ступни. Я вышел из комнаты. Скрип ступеней казался мне особенно раздражающим. Выйдя наконец из дома, я бежал, бежал и бежал! Босиком по сырой дороге. Мне нужно... Я был просто обязан сделать это! Всё должно было случиться ещё давно.

Я слабо помню то утро. Поржавевшее красное незаметно выползшее откуда-то с окраин солнце наполнило ярким светом пустующий город. Чёрные ягоды поблёскивали на туск-

лых придорожных кустах, качаясь туда и сюда от малейшего ветерка. Я сорвал несколько маленьких круглых ягод. Кисловатые и твёрдые. Красный сок растёкся по моим губам. Я срывал ещё и ещё. Время уже близилось к обеду. И тут я увидел её... Не было ни секунды сомнения, что это была именно она. Прошла мимо меня. Мимо строгих оконных рам, светлых полос бордюра и острых ступеней плавно двигался её силуэт. Белая ткань платья натягивалась при движении бёдер и струилась волнами по ногам. Девушка меня совсем не замечала. Я пошёл за ней. Каблучки её чёрных ботинок стучали при каждом соприкосновении с серой дорогой. Быстрая, словно стрекоза, лёгкая, чуждая мне. Чем дальше она отходила, тем сильнее я злился. Будь со мной! Остайся! Так боюсь её потерять. Мои руки дрожали, в один момент я оказался настолько близко к прекрасной девушке, что даже смог услышать едва заметное шуршание платья. Мне хотелось быть с ней.

Так мы добрались до её дома. Я притаился за деревом. Нельзя спешить. Немного погодя я решил подойти ближе. Очень осторожно приоткрыл дверь. Как можно тише, почти беззвучно по длинному коридору, вот так... Переступая через каждую скрипучую доску. Вот она... Ходит туда-сюда по кухне! Будто в этом теперь есть какой-то смысл! Я стою за её спиной. Боже, как страшно к ней притронуться. Осторожно... Тихо... Мои пальцы сомкнулись на её шее. Длинные острые ногти проткнули тонкую кожу. Я почувствовал, как

бьётся её сердце. Всё быстрее и быстрее! Покрасневшее лицо, посиневшие губы – мерзкое зрелище. Она не пыталась сопротивляться. И грустным, даже каким-то спокойным был её взгляд. Меня это только разозлило! Ну уж нет... Хватит ей надо мной издеваться! Я вырвал её паршивые глаза! Господи... Я даже не знал, что способен на это. Потом, отдышавшись, взял нож с кухонного стола и распорол её живот. Вытащил оттуда, будто младенца, печень. Нет ничего зазорного в том, чтобы прибегнуть к жестокости ради благой цели. Я делал всё без сожаления и какого-либо удовольствия. Зажёг огонь на плите. Набрал воды в кастрюлю. Орган так извивался, словно не хотел отправляться в кипящую воду. Огромное нелепое красное распластанное на полу тело. Жёлтый свет лампочки, качающейся под потолком, и синие тени, что, перемещаясь по стенам, принимали формы уродливых тварей. Это пугало меня больше, чем само убийство. Это будоражило мой ум и вызывало ощущение, будто я задыхаюсь. Что-то должно случиться. Это ещё не конец... К тому моменту мясо уже приготовилось. Я съел его тут же, горячим, обжигая свой язык практически до волдырей. Когда я закончил есть и взглянул на труп, мне показалось, что и без того гигантских размеров тело начало увеличиваться. Или эта комната становилась всё меньше? Бегом к двери! Она заперта... Я бился о неё. Снова и снова оставляя кровавые следы. Бесполезно! Скорее к окну! Но стекло стало будто непробиваемым. К своему несчастью ни с окнами, ни с дверью я так и не смог

совладать. Что за чёрт! Пытаясь спастись, я заполз в только что убитое мною тело. Это не помогло. Меня расплющило. Раздавило, будто какое-нибудь мерзкое насекомое...

Кто-то похоронен на Плутоне

Туман... Всё так просто. Это даже смешно... Где-то в глубине... В полнейшей тишине... Кишели красные муравьи. Насекомых было настолько много, что те из них, которым не посчастливилось оказаться под собратями, уже были мертвы. Растоптаны! Раздавлены! Тела их стали кровавой грязью.

Пристанище муравьёв чем-то напоминало кожаную сумку, заботливо сшитую для них серебристыми нитями. Материнская утроба... Насекомые всеми силами пытались выбраться оттуда. Они кусали плотную кожу, кололи своими ножками, бодали... И раздался хлопок, будто от взрыва. Ошмётки муравьиных тел разлетелись по всей округе. Полуживые насекомые пытались дышать, но их лёгкие не справлялись с холодным туманным воздухом. Они медленно погибали... Некоторые из красных муравьёв пытались подняться с сырой земли, ещё не понимая, что это конец. Некоторым оторвало их ножки, некоторым – головы. И ещё несколько мгновений расчленённые насекомые подавали признаки жизни. А после... Было темно и очень тихо. Будто ничего и не произошло. В живых осталось лишь двое. Целые и невредимые.

Начались красно-жёлтые дни... Один за другим. Бесконечной вереницей дат. Бесчисленные жёлтые цветы к тому времени засохли. Лепестки их стали бесцветными и хрупки-

ми, как пергамент. Синеватая трава приобрела жёлто-коричневый оттенок. Небо было абсолютно белым. Бледное, почти бесцветное солнце уже не могло прогреть землю. Воздух чист и прозрачен. Но ни звука, ни шороха не было слышно. Словно время здесь замерло.

Пронзительный женский крик нарушил тишину. Это была личинка цикады. Муравьи разорвали её пополам. Ядовито-красные твари принялись поедать нежную, светлую мякоть личинки. И так день за днём. Муравьиный аппетит – вещь нешуточная. Моя тихая обитель за считанные дни превратилась в скотобойню. Методичность, с которой они расправлялись с цикадами, – поражала.

Когда же дни перестали желтеть и краснеть, и все личинки цикад были съедены, у муравьёв наступил голод. Насекомым пришлось покинуть свой дом. Уйти в никуда... Уйти в зловещую неизвестность. Ожидать чего-либо хорошего от этого путешествия не стоило. Ведь насекомые знали лишь этот небольшой, мизерный участок поля с синеватой травой. Быть может, эти муравьи не одиноки? Быть может, там, за тем пригорком, ещё остались цикады? Что, если их даже больше, чем было в распоряжении ядовито-красных насекомых изначально? Неизвестность манила к себе. Одурманенные муравьи покорно следовали за своей призрачной мечтой – пухлыми белыми личинками. Цикады! Цикады! Цикады!

Но ни через день, ни через два, ни за тем пригорком, ни в овражке... Лучше бы они тогда погибли вместе со своими

собратьями. Лучше бы... А что вообще происходит с муравьями после смерти? Осознают ли они себя живыми? Догадываются ли о своей неминуемой гибели? Шестиногие создания шли всё медленней. Паутина, расстеленная на сырой земле, мешала им двигаться быстрее. Они оказались в моей ловушке. Когда-то давно я начал оплетать свою комнату слизью и паутиной. Кто знает, сколько лет прошло с той поры. (Что-то мне подсказывает, что ровно двести сорок.) Большую часть этого времени я спал. На двести сороковой год меня разбудили. Ради чего? Наверное, ради того чтобы я избавил этот мир от последних муравьёв. Это моё единственное предназначение. Они уже совсем близко... Осталось подождать ещё немного... Около двухсот сорока секунд. Они рядом с моим жилищем. Мой дом – я собрал здесь крупичицы, ненужные остатки того мира, которым когда-то являлся этот. Я знаю тех, кто сотворил это. Да... Я помню их. В зелёных одеждах. Я помню своих мучителей! Я помню тех, кто сделал меня пауком. За ними повсюду следовал запах дыма. А сейчас... Муравьи. Они пришли на запах мёртвых цикад, припасённых мной специально для них. Изголодавшиеся насекомые уже начали с жадностью поедать приманку, ещё не подозревая, что их ждёт. Тихо. Осторожно. Я схватил одного! Но второй муравей, видимо испугавшись, брызнул мне в глаза жгучей кислотой. От боли я невольно ослабил хватку, и оба муравья смогли сбежать.

Быстрее! Быстрее! Быстрее! Насекомые были так напуга-

ны, что не останавливались ни на секунду, пока не упали без сил.

Рассвет. Бледное и бескрайнее небо. Прохладный и свежий воздух. Всё серо, всё блёкло. Начался точно такой же день, как и предыдущие. Будто ничего и не произошло. Но странное чувство тревоги не давало покоя муравьям. Вороний крик донёлся откуда-то издали. И тишина... Звенящая тишина. Ни до, ни после – ни звука. Именно птичий крик стал ознаменованием того, что этот мир ещё жив... Муравьи. Насекомые хотя и не были уже так голодны, но вскоре... Да, вскоре снова наступят голодные времена.

Нельзя здесь оставаться. (Паук! Помни о пауке! Он где-то рядом...) Это нелегко, но нужно двигаться дальше. Как бы ни было холодно или больно. Смерть в паучьей пасти гораздо хуже. “Паломничество к цикадье́й кладези” продолжилось.

Мерзкая, зеленовато-серая погода. Капли дождя стучали в окно. Одно-единственное окно в моей комнате. Белые стены и потолок покрывали разводы плесени. Я чувствовал себя заключённым. Хоть и дверь открыта (всегда открыта), но у меня не было ни малейшего желания покидать комнату. Я преступник, которого ждёт наказание... Суровое наказание. Боль от ударов, почти настоящая, жгучая. Крик, оглушающий и пронзительный. Помню, я всегда был в ожидании чего-то подобного. Каждый день, каждый час своей жизни. Ничего не изменится уже никогда. Никогда! Никогда! Я... Даже хотел этого. Хотел ощущать на себе удары и слышать

пронзительный крик. Будильник прозвенел. Противный безжалостный звук! Я бы с большим удовольствием слушал ворон за окном. Но мне нужно собираться в школу. Честно говоря, всегда её ненавидел. Единственная в нашем городке. Каждый, абсолютно каждый ныне живущий горожанин (приезжих здесь нет) когда-то её посещал. (Городовой пристально за этим следил.) Что-то помнил из тех времён. Что-то постыдное мерзкое, навсегда врезавшееся в память... Огромное здание позапрошлого столетия хранило все их детские секреты. И так... Я здесь. Стою у самых ворот и почему-то не решаюсь войти. Наверное, я в тот день всё-таки пересилил себя. Скорее всего, даже обошлось без опоздания. Всё как в тумане... Не помню, что это был за урок. Кажется, история. Я тогда подумал, забавным было бы сейчас выйти в окно. Упасть в красную грязь. Был третий этаж. Не так уж и высоко, чтобы умереть быстро. Я снял свои ботинки и встал на подоконник. Страшно... Но я хотел развеселить друга. Хотел, чтобы он улыбнулся. Мой друг не сразу это заметил. И тогда я решил закричать. Нечто бессвязное и бессмысленное. Наконец он посмотрел на меня. Непонимание и отвращение читались в его глазах. В прекрасных зелёных глазах. Немного помедлив, он вышел вон из класса. Идиот... Идиот! Для него же стараюсь! А я... Даже не расстроился. Мне представилась чудесная возможность ещё раз восхититься изяществом его фигуры. Боже... В такие моменты я мог думать только о сексе. Когда смотрел на его нежные губы. На длин-

ные худые ноги. Когда заглядывал в эти зелёные глаза. Однажды у нас даже всё получилось. Он делал это со мной. Ни удовольствия, ни счастья. Я ощущал только боль. Он пообещал мне банку газировки за это. Я чувствовал себя использованным и грязным. Но мне хотелось ещё...

Наверное, я неизлечимо болен. И моя болезнь очень заразна. Этот мир начал гнить. По моей вине... Симптомы этой болезни просто ужасны. Мне трудно говорить и даже думать. Хочется спрятаться, убежать от гниющего мира! Мои руки трясутся, и гудит в висках. Я ни на что не способен... Я – живой труп. К концу моё тело уже перестало меня слушаться. Я стал похож на своего отца, в последние минуты его жизни. О... Я бы всё отдал, чтобы сдохнуть быстрее! Но чуда не произошло.

Утро было долгим. По-весеннему синее небо. Тысячи ярко-жёлтых астр. Миллионы капель росы, которые падая с таким шумом, таким грохотом разбиваются о землю. И... Голова. Прекрасная голова! Там, на пригорке, среди самых ярких цветов. Она принадлежала женщине. Огромной, но одновременно хрупкой и ослабевшей. Смуглая, с синими и красными полосами по всему телу. За её пышными ресницами, за нежными веками... Тёмно-красная плоть! Муравьи выели её глаза. Кажется, эти твари уже добрались к мозгу. Она позволила им сделать это. Она... Исполосованная огромная и хрупкая. Она... Мать этого мира. Мать... Я ненавижу это слово! Что-то казалось мне в ней странным и даже

уродливым. (Я заберу твоё уродство. Я растворю тебя в себе. Ты утонешь! Ты растворисься...) Это неправильно. Неправильно! Нет! Я не должен так говорить о матери. Глупец! Я окончательно сошёл с ума... Всё из-за этих чёртовых муравьёв! То, что я видел, было так странно и омерзительно. Они заползали друг на друга. Кусали. Переворачивались. Их движения напоминали танец. Насекомые прижимались друг к другу всем телом. Казалось, это было одно существо. Да, всё из-за них!

А утро было долгим... Этот пошлый мир успел поглотить меня. Я знал, что это случится. Но никогда, нет, никогда я не смирюсь. У меня есть надежда, благодаря которой и это утро, и этот луг с астрами не кажутся мне такими уж бесконечными. Так и должно быть... Всё правильно. Я не в силах изменить этот мир, но могу облегчить себе участь. И там, в конце, за мои страдания меня ждёт награда. Моя судьба сейчас – это продолжить исчезать, тем самым открыв дорогу “свежей крови”. Они должны убить муравьёв. Этим ползучих тварей, уничтожающих всё на своём пути. Иначе муравьи опустошат этот мир. Как было сотни, тысячи и миллионы лет назад. И вот сейчас... Да-да, именно в это самое время всё должно решиться. Муравьи – яд для нашего привычного миропорядка.

Где-то в высокой пожухшей траве... Череп с рыжими волосами. Муравьи плели нити из волос. Так аккуратно. Прясть за прядью. Будто бы они наверняка знали, как нужно плести.

Не один час и даже не день они плели нить. Для повешения? Для святого возмездия? Ради чего всё это? Я понял... Это ради меня. Когда они вернулись за мной, мне ничуть не было страшно или досадно. Я смиренно лёг и стал ждать, когда всё закончится. Верил ли я в их силу? – Нет. Я с лёгкостью мог бы растерзать их на части! Но так было нужно. Таков замысел Божий. Я всего лишь паук... Просто жалкий паук. Моё бессмысленное и глупое существование подходит к концу. Я умер дважды... Всё повторяется.

Насекомые так изголодались, что сами стали толщиной с ту нить, которую плетут. Ноги их не слушались. Голод – единственная причина, по которой они продолжают своё путешествие. Их блестящие чёрные глаза покрылись сероватой плёнкой. Они даже не заметили, как увязли в алой грязи. Её запах был им очень знаком. Но муравьи совсем не помнили о том происшествии. Насекомые принялись поедать грязь. Сиюминутное помешательство. Эти твари пугают меня всё больше... Мне никогда не было так страшно, так мерзко. Даже тогда, когда появились они. Они... Пришедшие поиздеваться надо мной! Я помню их... В зелёных одеждах! Неподвижно стоящих, равнодушных. Часами они изводили меня. Их молчание было просто невыносимо! Они совершенно не обращали на меня внимание. Что бы я ни делал. Бесшумные и терпеливые. Они ждут чего-то. Чего? Кто бы мне ответил... Время будто застыло. Это должно было случиться... Один шевельнулся. Я подошёл к нему ближе. Похоже

ли это на человека? Дышит ли? Чувствует? Я прислонил ухо к его груди, пытаясь услышать сердцебиение существа. Тихо... Тихо... Тихо... Он схватил меня своими горячими руками. Так больно мне не было никогда. Он делал с моим телом нечто невообразимое... Вы не сможете даже представить себе этого! Я умолял его прекратить. Но он не слушал меня. Хладнокровно. Точно. Уверенно, будто бы он проделывал такое сотни, а может и тысячи раз. За что? Наверное, я слишком громко кричал...

Мир утратил цвета. Всё стало блёклым и едва различимым. Обжигающе холодный ветер только набирал силу. Красные муравьи и не думали отступать. Боль и усталость. Откуда столько упрямства в этих едва живых насекомых? Нечто серое виднелось вдалеке. Ближе... Это небольшой деревянный сарайчик. Спасение! Муравьи пролезли в щель. Внутри было пыльно и также холодно, как снаружи. Среди мусора и старых поржавевших инструментов был припрятан маленький детский скелет в красивом белом платье с рюшами. Я помню это платье... Оно принадлежало одной девочке. Когда я нашёл её... Это худенькое тельце лежащее на снегу. Как будто живую. Её... Хрупкую и покалеченную. Девочку, похожую на фарфоровую куклу. Ребёнка, обладавшего ангельской красотой. Я не мог в это поверить. Кажется, она просто спала. Я положил руку ей на живот. Он был тёплым и мягким. Возможно жива... Хотя нет – её ручки, лоб, тонкая шея и ноги были холодными. Нежные пальчики

крепко сжаты, да так, что, казалось, они окаменели. Я всё обещал её похоронить... Даже перенёс ангела в этот сарай, чтобы дикие животные не разорвали тело до похорон. Я не сдержал своего обещания. Скрип досок. Треск. Жуткий вой ветра. Разрушенный сарай заметало снегом.

Вглядываясь в тёмное небо, я ощущал без малого вселенскую тоску. Таковую, которая бывает у брошенных собак. Мучительным было моё занятие. Совершенно опустошающим. Но я не мог перестать делать это. И даже не хотел. Какая-то часть меня была утрачена навсегда. Навеки затерявшись в той темноте. Оттого я и печален. И у меня есть лишь одна надежда. Та, что поддерживала моё жалкое существование все эти годы. Я верил – кто-то похоронен на Плутоне...